

Размышления и дискуссии

Прошло уже более десяти лет с тех пор, как наше общество освободилось от пресса советской идеологии. Разрушена старая система общественных отношений, страна прошла через многочисленные потрясения. Драматические периоды ее недолгого исторического пути, как череда океанских волн, сотрясали устои государства, разрушая не только прогнившее, но и многое ценное. На наших глазах продолжается противоречивый процесс обретения обществом своего нового качества. Авторы публикуемых в нашей новой рубрике статей предлагают свои варианты решения социальных и культурных проблем, быть может, не всегда бесспорные, но проникнутые искренней тревогой за наше общее будущее.

«Организованная борьба с невежеством, самоотверженный поход за культуру, оборона знания от всех разлагающих попыток — все это должно стать знаменательной печатью века»¹, — этот призыв Николая Константиновича Рериха, которому не вняло минувшее столетие, звучит с новой силой, диктует нравственный выбор и требует активной гражданской позиции каждого из нас. Давайте думать и искать истину вместе. Приглашаем читателей обсудить наиболее острые и важные, с их точки зрения, темы, имеющие широкое общественное звучание.

¹ Рерих Н.К. Нерушимое. Рига, 1991. С. 341.

Почему и как следует защищать нравственность?

В русских старообрядческих деревнях младенцу сразу после рождения повязывался пояс, который имел четкий орнамент, подчеркивающий противоположность солнечного верха и темного низа. Этот пояс человек не снимал от рождения до самой смерти, даже в бане. Он символизировал отчетливую грань между божественным «верхом» и тварным «низом» в человеке, — ее никогда нельзя нарушать, дабы не превратиться в двуногого зверя, который чем более интеллектуально изошрен, тем более способен к разрушению. Отсюда и происходит русское слово «распоясаться» — его употребляют, характеризуя человека, утратившего представление об иерархии ценностей и не знающего, чему молиться и кого стыдиться. Да и стоит ли стыдиться и молиться вообще, полагают люди такого сорта, коль скоро между добром и злом, прекрасным и безобразным нет никаких принципиальных различий?

Что же происходит с подобными людьми? Каков удел тех, кто утратил представление о противоположности добра и зла?

Великий русский философ В.С. Соловьев пронзительно заметил, что «человек, довольствующийся своею человеческой ограниченностью, неизбежно тяготеет и ниспадает до уровня животности»¹. И в самом деле, человек, утративший шкалу ценностей, на удивление быстро теряет человеческий облик, более того, он становится хуже животного. У животных по крайней мере нет таких пороков, как однополая любовь, садизм или мазохизм. Они появляются только у человека, когда его разум устремлен не к солнечному верху, не к духовному восхождению, творчеству и познанию, а направлен исключительно на изошренное культивирование своих телесных похотей и прихотей. Разум, не направленный вверх, обязательно обратится вниз; отказавшись от своих естественных духовных функций, он рано или поздно направит свой потенциал на обслуживание функций совершенно противоположных. *Человек, не поклоняющийся свету и высоким жизненным образцам, неизбежно, пусть и бессознательно для себя самого, будет поклоняться тьме и ложным авторитетам.*

Но ведь человек свободен в выборе добра и зла, скажет читатель. Выбирая зло, человек со-

вершает свободный выбор, его нельзя за это осуждать. Насильственное подталкивание его к добру само по себе аморально и может привести лишь к озлоблению. К тому же где они, четкие границы между добром и злом? Даже крупные мыслители до сих пор спорят, что под этими определениями следует понимать, а вы хотите, чтобы простой человек имел о них ясное представление! Не требуйте от человека невозможного, не отягощайте его утопическими требованиями, они лишь мешают нам жить и быть счастливыми.

Что на это можно и нужно возразить?

Во-первых, свобода жизненного выбора одного человека кончается, как известно, там, где начинается свобода и жизненный выбор другого человека. В конце концов, уголовный преступник, совратитель малолетних или осквернитель святынь должны быть безусловно наказаны и *насилъственно* ограничены в своей деятельности, ибо их личный злой и ложный выбор представляет объективную угрозу для всего общества.

Во-вторых, от зла следует безусловно ограждать детей, особенно от апологии зла. Причина предельно проста: до определенного возраста ребенок просто не способен объективно выбирать, у него не сформировались навыки критического мышления и нет жизненного опыта, он свято и чисто верит взрослым, стремясь подражать тем, кого принимает в качестве идеала. Ребенка легко устремить к добру и свету, но столь же легко и разложить. Именно поэтому он *должен быть по возможности огражден взрослыми от порока, а уж от его поэтизации огражден безусловно*. Пусть каждый имеющий детей, младших сестер или братьев спросит себя: хочется ли ему, чтобы детям изо дня в день показывали сцены насилия, пропагандировали сексуальные извращения, рассказывали о прелестях обмана, лжи или наживы? Я думаю, что даже порочный человек (если только он не полный подонок или психически больной) не пожелает этого своим детям.

В-третьих, можно ли считать свободным человека, который находится в плену своих телесных похотей, властолюбия или гордыни? У него либо нет знания об иерархии ценностей, либо нет воли к их реальному воплощению в собственной жизни, либо нет ни того, ни другого.

¹ Соловьев В.С. Соч. в 2 т. Т. 2. М., 1989. С. 604.

Он — типичный раб, марионетка своих телесных желаний, своего невежества или своих порочных психологических установок. Аморальный человек, не имеющий твердого знания о добре и зле и не прилагающий его к жизни, равно как и человек, оправдывающий аморализм, есть одновременно и раб, и невежда, он глубоко несчастен сам и наносит огромный ущерб обществу.

В-четвертых, ссылки порочного невежды на отсутствие твердых критериев добра и зла совершенно не состоятельны. Из того, что они ему лично неизвестны, не следует, что их нет вовсе. При всех различиях и колебаниях в понимании добра в разные эпохи и у разных народов в нормальных (а не криминальных и человеконенавистнических) сообществах сохранялось и нечто одинаковое в его интерпретации. Ни в одном обществе (по крайней мере в отношении своих соплеменников) не поощрялись предательство, жестокость, лживость, корысть, зависть. Во всех коллективных формах человеческого существования, напротив, почитались ум, мужество, честность, верность идеалам. Везде осуждалось вооруженное насилие над женщинами и детьми; везде охранялся институт семьи и почиталось материнство. Везде существовало бережное отношение к природе и уважение к старшим. Люди всегда твердо различали добро и зло, стремились к гармонии и социальному согласию, по возможности избегая распри и ссор.

Если где мы и встречаемся с повсеместным и тотальным забвением этих абсолютных нравственных устоев человеческого существования — так это в истории Европы XX века. Именно здесь — колыбель двух чудовищных мировых войн с газовыми камерами и атомными бомбами, сброшенными на головы безоружных людей. Европа подарила человечеству глобальный экологический кризис и отношение к природе как к источнику сырья для удовлетворения безмерных материальных потребностей. Именно Европа официально санкционировала массовые аборты, сомнительные эксперименты над геномом и психикой человека, операции по перемене пола, пересадке органов, клонирование и манипулирование нашим сознанием в средствах массовой информации. Именно европейская цивилизация — а не Восток и не Россия — дошла до прямой апологии половых извращений, безумия, культурных маргиналий, сатанинских культов и т. д. в литературе и философии постмодерна. Именно «цивилизованная» Европа порочные тенденции в развитии общества, которые породил сам же человек своим безумным своеволием, такие, как закон борьбы за существование, неизбежный аморализм в политике или неизбежные отрицательные последствия технического прогресса, — стала выдавать за объективные законы общественного развития и даже за законы существования всего Космоса.

Кошунственный тезис о том, что представления о добре и зле сугубо относительно (виртуальны, как сейчас модно говорить), что четких граней между ними нет, это и есть зримый плод современного европейского сознания, если и встречавшийся столь откровенно в прошлые века, так разве что у греческих гедонистов (сторонников безмерного телесного наслаждения) да софистов. Потому-то в мир и пришел Иисус Христос с проповедью любви и служения высшему, дабы принести весть разлагающемуся человечеству о вечных и спасительных нравственных ценностях. Увы, спустя 2000 лет созидательную пользу нравственности и разрушительный вред аморальности все еще приходится доказывать.

Что ж, постараемся еще раз, последовательно и с разных точек зрения, обосновать безусловный общественный вред аморальности.

Очевидно, что аморальность имеет катастрофические последствия для политических устоев общества, ибо продажный и беспринципный политик сверхдорого обходится государству. Печальными примерами подобного рода полна наша ближайшая история. Очевидно и то, что порядочный и чистоплотный политик, напротив, являет согражданам образец для подражания, способствует улучшению и исправлению нравов.

Порок и его поощрение убийственны для социальных отношений. Когда в обществе процветает эгоизм, когда каждый думает только о собственной выгоде, в стране воцаряется вражда всех против всех и она превращается в один огромный ГУЛАГ. Разве железные двери на всех подъездах и лестничных площадках России вам еще не напоминают?

Аморальность экономически бессмысленна, ибо нечистоплотный предприниматель провоцирует аналогичное поведение по отношению к себе и поощряет криминал, мафиозное «восстановление справедливости». Проповедь обогащения любой ценой растлевет и преуспевшего, которого мучает сознание, что он может в одночасье все потерять, и проигравшего, который мучительно завидует счастливицу и мечтает присвоить его богатства. Словом, несправедливые деньги еще никогда и никому не приносили счастья.

Безнравственность и порок эстетически отвратительны, они противны нормальному человеческому чувству, идут против естественного порядка вещей. Разве половые извращения не вызывают чувство естественной брезгливости у человека со здоровой психикой? Разве похабная лексика и публичная демонстрация сцен совокупления не заливают лицо человека краской стыда? Есть в мире вещи, которые человек попросту не должен выносить на свет, они по определению темны и безобразны, особенно если на них глядеть со стороны. В мире достаточно много возвышенного и прекрасного, того, что

вызывает всеобщее восхищение и любование. Здоровое общество не может мириться с назойливой поэтизацией всякой мерзости. Если у кого-то проявляется болезненная тяга к низу, к исподним сторонам человеческого бытия, общество просто обязано не позволить ему публично выдавать свою патологию за норму, — хотя бы для того, повторим еще раз, чтобы не соблазнять детей.

Наконец, зло физиологически опасно, болезнетворно. В погоне за чувственными наслаждениями человек подрывает свое физическое здоровье. Завистливый, злобный и желчный человек сокращает свои дни на Земле, это доказано современной медициной. А человек доброжелательный, творческий, оптимистически настроенный, напротив, получает (и излучает) заряд положительных эмоций и укрепляет иммунитет. Между прочим, только сердце, центральный орган нашей физиологической и эмоциональной жизни, никогда не болеет раком — этим эгоизмом на уровне клеток. Добросердечный человек осуществляет самую действенную психофизиологическую профилактику своего организма.

Итак, согласимся с очевидным: безнравственные слова и поступки еще допустимо объяснить человеческим безволием, но *идейное «оправдание» зла с помощью тезиса об отсутствии твердых нравственных полюсов можно объяснить только крайним невежеством или порочностью натуры.*

И тем не менее нравственность в современном обществе остро нуждается в активной и сознательной защите. Какие средства для этого существуют? Какие оздоровительные коррективы необходимо ввести в наше общественное устройство? И возможно ли это сегодня в принципе — исправление общественных нравов?

В свое время выдающийся отечественный философ и правовед П.И. Новгородцев, находясь в эмиграции, выдвинул идею *агиократии* («власти святынь»), то есть такого типа общественных отношений, который преодолевает недостатки двух крайних политических систем — большевистского обезличивающего коллективизма и демократического индивидуализма. «...Мы ставим теперь на место <...> демократии, — писал П.И. Новгородцев в своей программной статье «Восстановление святынь», — агиократию, власть святынь. Не всеисцеляющие какие-либо формы спасут нас, а благодатное просвещение душ. Не превращение государственного строительства в чисто внешнее устройство человеческой жизни, а возвышение его до степени Божьего дела... Не политические партии спасут Россию, ее воскресит воспрянувший к свету вечных святынь народный дух!»²

Несомненно, защита и пропаганда истинных ценностей (святынь) сегодня актуальна в России,

как никогда. И это начинает понимать сама государственная власть, по крайней мере ее наиболее дальновидные представители. Не претендуя на детальную разработку оздоровительных государственных мер и механизмов, мы полагаем, что для начала, в качестве первого шага, было бы весьма целесообразно образовать при существующих местных (краевых, областных, республиканских) законодательных органах государственной власти *Комиссии по нравственности (или Агиократические Советы)* из числа наиболее известных и уважаемых в обществе ученых, учителей, врачей, служителей церкви и деятелей искусства, в количестве полутора — двух десятков человек. В компетенцию этой Комиссии (Совета) могло бы войти неустанное напоминание власти предрержащим о «возвышающей» задаче государственного строительства, в том числе:

— помощь законодателям в *этической экспертизе законов* и предлагаемых исполнительной властью важнейших хозяйственных и социальных проектов;

— компетентная оценка с точки зрения *нравственного содержания и влияния на сознание человека* (особенно детей) педагогических и воспитательных инноваций, деятельности разного рода религиозных организаций и сект;

— *общественный контроль* за содержанием теле- и радиопрограмм и их публичный анализ. Речь вовсе не о цензуре, не о запрете каких-то телепередач или печатных изданий, а об их еженедельном непредвзятом обзоре-оценке профессионалами по местному телевидению. Защищая свободу печатного слова, мы должны быть свободны от журналистского произвола, продажности и невежества;

— контроль за развитием *художественного творчества и эстетического образования* населения, поддержка молодых талантов и одаренных детей в своем регионе;

— забота о сохранении *исторической памяти*, объектов культуры и местных духовных традиций; всяческая пропаганда *творцов и тружеников*, могущих служить эталоном творческого жизнеустройства и благородства для подрастающего поколения.

Такие Комиссии, последовательно противодействующие тем недостаткам, которые принес с собой европейский демократизм, самим своим существованием — то есть *добровольным объединением незаурядных и авторитетных людей разных убеждений и из разных сфер культуры в борьбе за нравственность, за «благодатное просвещение душ»*, — могли бы оказать исключительное влияние на общественное сознание, непосредственно явить тот высокий образец человеческого достоинства, которого сегодня так не хватает нашему обществу.

² Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 579—580.

Б.Р. Ильин

Только мы сами...

...И долго буду тем любезен я народу,
что чувства добрые я лирой пробуждал.

А.С. Пушкин

Наверное, эти строчки, с детских лет такие знакомые и близкие, сегодня многим кажутся не более чем милым архаизмом. Но эта гениальная формула — «чувства добрые лирой пробуждать» (или «глаголом жечь сердца людей», что в принципе одно и то же) — постулирует главное предназначение творчества, содержит в себе всю концептуальную палитру прошлой, настоящей и будущей культуры. Без этого единственно приемлемого и возможного фундамента творчества любое произведение — литературное, художественное, музыкальное — лишается главного смысла, ради которого оно, собственно, и получает право на существование.

Современное культурное пространство представляет собой необычайно пеструю картину. В нем все смешалось, как и в нашем обществе. Рыночная экономика и патриотические чувства, откровенный цинизм и социальная инфантильность, космополитизм и псевдорелигиозность... В этом разноцветном хороводе сегодня всему есть место, кроме, разве что, культурно-нравственного стержня, делающего нашу жизнь по-человечески понятной и осмысленной.

Почему так произошло? Почему культура и ее носители, призванные быть хранителями главных ценностей, золотым и неизменным фондом, неуничтожимой сердцевиной культурного генофонда нации, оказались во многом несостоятельными?

Разумеется, задавать вопросы гораздо легче, чем на них отвечать. Да, семидесятилетний геноцид по отношению к интеллигенции, к культурной элите общества. Да, война унесла значительную часть лучших. Да, тоталитаризм лишал общество кислорода свободы мысли. (Хотя стоит помнить о том, что многие выдающиеся произведения рождались как раз вопреки, а не благодаря социальным условиям. Видимо, творческая энергия, которая имеет достаточно сильный потенци-

ал, способна реализовать себя при любых обстоятельствах, пробиваясь сквозь асфальт любой идеологии и именно благодаря такому «асфальту» собирает всю свою созидующую мощь). Но куда делись те, кто с такой горячностью и убежденностью совсем недавно говорили о нравственных основах обновленного государства, призывали строить жизнь на фундаменте общечеловеческих ценностей? Безрадостная картина, разворачивающаяся перед нашим взором, говорит о том, что материя в который раз одерживает победу над духом.

Внутри страны усиливается криминализация, сокращается продолжительность жизни, естественный прирост населения стал минусовым, люди тотально нищают, растет беспризорность. Так называемые олигархи несправедливыми путями захватили средства производства, идет циничная распродажа национальных и природных богатств, продолжается эмиграция интеллектуальной элиты страны, усиливается ориентация на чуждую российскому обществу философию западного мира... В этой ситуации возникает вполне справедливый вопрос: а может ли дело (любое дело!), начатое несправедливым образом, завершиться праведно? Диалектика жизни, диалектика любого исторического процесса этого не допустит. Какими бы иллюзиями мы себя ни тешили, рано или поздно круг замкнется, и все созданное на этом эфемерном фундаменте рухнет, накрыв своими обломками и тех, кто в упоении конструировал, и тех, кто с разной степенью энтузиазма эксплуатировал столь откровенно неблагоприятное (а скорее криминальное) начинание.

Все, что мы сегодня наблюдаем, происходит на фоне отсутствия у властных структур страны какой-либо членораздельной концепции устранения главной проблемы — усиливающегося бесправия населения при дальнейшем расширении мафиозных отношений в обществе. *Не власти управляют ситуацией,*

а ситуация, в том числе создаваемая олигархическими силами, управляет властями. Они работают в режиме пожарных, реагируя, а зачастую не реагируя на возникающие пожары (социальные, политические, экономические, национальные). Не реагируют по многим причинам: просто нечем реагировать — нет соответствующих государственных механизмов, законы не взаимосвязаны и потому не работают; к тому же болевой порог настолько изменился, что многие перестают ощущать чужую боль и уже не принимают за пожары то, что раньше бросались тушить не думая.

Как вернуть людей в ту систему координат, которая испокон века негодяев и воров называла их истинными именами, где порядочные люди составляли основу государства, где мы гордились своей Отчиной, где читали «Евгения Онегина», «Войну и мир», а детей не растлевали опошленным до предела половым воспитанием, где не велись братоубийственные войны и матери не получали в мирное время похоронок? Почему мы все с какой-то нечеловеческой покорностью, практически без ропота и протеста согласились на те крошечные карты, которые нам раздали для игры?

Если не вдаваться в частности, то главная, так называемая метафизическая причина происшедшего скорее всего состоит в слабости человеческого духа, в отсутствии *нравственного иммунитета* к перечисленным пароксизмам нашей жизни.

Нельзя сказать, что просвещенная и наиболее мыслящая часть страны, живописующая мир словом, кистью и звуком, не озабочена состоянием современного общества. Нарастает ропот (к сожалению, запоздалый, разрозненный и весьма слабый) тех, кто ощущает и констатирует кризис и катастрофу. Во всех средствах массовой информации художественный истеблишмент с тревогой говорит о не востребованности искусства. Культурологи, искусствоведы, музыковеды и все, кто еще не до конца оскоплен современными представлениями о добре и зле, сетуют на отсутствие некой «интеллигентской остойчивости». Писатели и критики на все лады обсуждают сгущающиеся сумерки отечественной литературы. «Карманная проза для расслабленного читателя», по признанию самих писателей, соседствует с «поэтической трепанацией мира», а скудость собственной мысли современные инженеры и врачеватели душ человеческих оправдывают нетребовательностью читателя и сумерками самой жизни.

Что говорить, диагностам современного состояния общества несть числа, вот только лекарей, как говорится, днем с огнем... Среди весьма разноречивых оценок «мировоззренческого сдвига», свидетельствующего о том, что мы практически полностью потеряли признаки той некогда великой общности, которую раньше называли русским народом, есть некоторые точки зрения, заслуживающие более пристального внимания. В основе одной из них, констатирующей сегодняшнюю трагическую ситуацию, утрату бесценных сокровищ родного языка, растление населения примитивной продукцией западных масс-медиа, адаптацию к укрепляющимся в стране криминальным нормам, полное забвение имен своих героев и своей собственной истории, — лежит переориентация российского общества на *индивидуалистские основы жизни*. Следует признать, что та целостность, которую мы называли советской, во многом сохранялась благодаря феномену коллективизма. Почему положительный герой ушел из наших книг? Потому что он защищал общественные, а не частные интересы и клал свою жизнь на алтарь борьбы не за собственный комфорт и персональное благо, а за попорченное достоинство, за ценности общечеловеческого значения и свойства.

Оплакивая утрату духа коллективизма, один из авторов «Литературной газеты» пишет: «Бесполезным опытом выглядит сегодня и вся наша классическая и социалистическая литература, концентрирующая в своем арсенале такие богоугодные, душеспасительные и замечательные сами по себе, но откровенно непригодные в реальной сегодняшней жизни качества, как бескорыстие, сочувствие к обездоленным, презрение к материальным благам, уважение к чужой жизни, гордость за свою Родину и готовность умереть за ее будущее, священное отношение к своей чести и тому подобные. Какая уж тут смерть за Родину, если каждый сегодня норовит ободрать ее, как дойную корову!»

Есть и более категорические утверждения. «Отечественная культура, которой мы привыкли перед миром и друг перед другом гордиться, закончилась. Не должно оставаться иллюзий, будто что-то удалось унаследовать, — пишет другой автор в «Независимой газете». — Рухнула цивилизация, и те одичалые толпы, что разбрелись среди развалин, ничего общего не имеют с жителями исчезнувшей навсегда страны. Приемственность, о

которой нам постоянно твердили, в действительности НЕ осуществилась...»

Пресса нашпигована мрачными примерами и удручающими прогнозами. Что же нам предлагают диагносты, какие дают рецепты? Увы, чаще всего никаких. Ограничиваются констатацией *кризиса и катастрофы* в культурном пространстве общества. Констатируют, что называется, со вкусом, с толком, с чувством. Дискуссии ради дискуссий набирают обороты, споры о судьбах страны и культуры сегодня проходят в жанре любимых народом развлекательных ток-шоу — тенденция, как принято сейчас говорить, знаковая. В императиве «хлеба и зрелищ» недостаток первого компенсируется вторым. Самым показательным, пожалуй, является шоу «Культурная революция» с М. Швыдким, ведущим и «автором идеи», как сказано о нем в титрах. Министра нимало не смущает, что большие вопросы культуры с его подачи стали еще одним поводом для развлечения (в лучшем случае, превратившись в ни к чему не обязывающую говорильню). Однако еще более показательным, что это не смущает и нашу творческую интеллигенцию, нашу культурную элиту (или по крайней мере ее большую часть), которую ловкий шоумен, он же массовик-затейник, выпускает в телеэфир, как искусный кукловод дергая в нужные моменты за веревочки. Гости телестудии говорят порой весьма умно и правильно, но вставленные, *в силу жанра*, в контекст телепередачи, их слова и суждения теряют всю свою мудрую силу, низводя серьезные проблемы до уровня слегка задрапированного под серьез шоу. Что подвигло уважаемого министра на столь радикальный шаг: желание «выпустить пар» общественного возмущения, «зашунтировать» нарастающий протест, снять проблему через своеобразный телевизионный байпас, отвести наше негодование подальше от вверенного ему министерства и заодно войти в когорту телеведущих, претендующих на роль властителей дум? Трудно сказать. Время сегодня действительно знаковое, и *такой* министр культуры — тоже знак времени. Ясно одно — на государство, где в чести такие министры, надеяться не приходится. Они родства не помнят. Родства с великими и непреходящими ценностями, без которых нет ничего — ни человека, ни среды, ни будущего.

Так что же нам делать?

Стоически и отрешенно взирать на эту «исторически оправданную» вакханалию,

продолжая демонстрировать непревзойденное русское терпение? Или обратиться, наконец, к другим, более продуктивным национальным доминантам русского духа? Быть может, они не лежат на поверхности и не столь заметны на первый взгляд, но они вполне объективны и реальны. Философы называют эти доминанты «интенцией», то есть глубинными свойствами, присущими национальному характеру. Если у американцев национальная доминанта — прагматизм, у немецкой нации — ярко выраженный педантизм, то в России всегда сильнее всего была *моральная доминанта*. И как бы умствующие критики ни оплакивали нашу усопшую культуру с присущими ей от века ценностями, они остались с нами, быть может, до времени уйдя в самые сокровенные тайники той самой неразгаданной человеческой сути, которую мы называем душой.

Что нам делать? Так как русскому характеру всегда был присущ некий утопический романтизм, то плодотворной представляется модель общественного поведения, уходящая своими корнями именно в то *духовное пространство*, потенциал которого нами пока еще не до конца осознан, понят и востребован. На наш взгляд, это одна из тех точек роста новых ценностей, которые надо всеми мерами культивировать и развивать. Суть такого процесса до очевидности проста, об этом говорили Д.С. Лихачев, А.И. Солженицын и многие другие. Никакая власть, никакие законы и реформы ничего не изменят в нашей жизни, как мы уже не один раз убедились; они (власть, реформы и законы) не способны на это в принципе, они постоянно пытаются догнать уходящий у них из-под носа поезд, власти по-прежнему не владеют ситуацией, пытаясь делать хорошую мину при плохой, беспомощной игре... Изменить что-либо *в принципе* можем лишь только *мы сами*. Только мы сами можем разорвать порочный круг, в который втянуты все без исключения члены общества. Осознание этой очень простой мысли — ключ к решению многих неразрешимых проблем. Речь идет о внутренней человеческой широте и мудрой жертвенности, которая заложена в каждом и способна поднять каждого над клановыми, групповыми и прочими достаточно частными интересами. Самое простое и самое трудное — научиться со-участвовать, *помогать друг другу* на всех уровнях жизни, не требуя ничего взамен. Рефлекторно мы это делали всегда. Люди, прошедшие через лишения и беды, неосо-

знанно приходят на помощь друг другу, мы это видим и ощущаем сами — на улице, в транспорте, в самых разных ситуациях. Если это делать осознанно и постоянно, невидимая, но вполне явственная сеть взаимного человеческого участия будет разрастаться, создавая поле, противостоящее энергиям нравственно-го хаоса и общественного одичания.

«Опять утопия, — скажет уставший читатель, — мы это уже проходили!» Но что такое утопия? Разве не великие утопии приводили в движение общественный механизм, «запускали» двигатель исторической динамо-машины? Что, как не утопия, погружаясь в глубины культурного пространства, создает новые мотивы поведения людей и новые великие цели? «Настоящее, не имеющее утопии, быстро катится к прошлому», — говорил П. Тиллих¹.

Все начинается с малого, и начинать надо, как это ни тривиально звучит, с себя. Прецеденты были. Вспомним Махатму Ганди и его ненасильственное сопротивление английским колонизаторам. Все индийское население просто перестало воспринимать английскую часть жителей Индии, они для них перестали существовать. Вспомним Дмитрия Сергеевича Лихачева, который, отвечая на вопрос, как он, пройдя через весь ужас тюрем и лагерей, смог остаться высококультурным и интеллигентным человеком, сказал: «*Я просто не пустил это внутрь*». Не здесь ли главное, то, что определяет нашу истинную ценность, — человеческое достоинство, нравственный иммунитет, который не пускает внутрь уродливое, дикое и животное? Общественные ценности обретают значение лишь тогда, когда каждый ощущает *собственную ценность*, понимает, что от каждого из нас, конкретно и персонально, зависит будущее страны, общества, человеческого сообщества в целом. Вот уж воистину, «не стоит прогибаться под изменчивый мир». Противостоять обстоятельствам и менять их способен тот, кто имеет собственное представление об изначальных ценностях мира и следует им, чего бы это ни стоило. Логика событий уже не подталкивает, а буквально пинает каждого из нас именно в этом направлении. Можно такое противостояние, противодействие назвать *молчаливым бунтом*, или *последней битвой* за человека, за тех, кто без сопротивления и практически без боя сдает главные позиции, отдает на поругание самое высокое и священное.

Вероятно, Всевышний испытывает нас на предел, до которого способен дойти человек. Святое опошляется, самое дорогое цинично препарируется... Многие этот предел уже перешагнули, другие стоят перед выбором. Здесь вспоминается сюжет из книги пророка Даниила (гл. 5), повествующий о падении Вавилонского царства, которым правил Валтасар. В последний год своего правления на одном из пиров для поругания Бога и восхваления своих идолов он приказал принести священные сосуды «и стал пить, и есть на них». Эти сосуды один из предшественников правителей Вавилона — Навуходоносор взял из Иерусалимского храма. Вслед за этим кощунством последовал суд Божий: явившаяся в воздухе рука начертала на стене огненные знаки (мене, текел, фарес — исчислил, взвесил, разделил), которые предвещали гибель государству Вавилонскому. В ту же ночь пророчество исполнилось, войска мидян и персов под водительством персидского царя Кира вторглись в город и овладели им. Не та ли невидимая рука чертит и сегодня огненные знаки предупреждения в виде природных, социальных, гуманитарных, техногенных катастроф, которые современное человечество в угаре своего апокалиптического пира не в состоянии прочесть?

Тем не менее платить по счетам придется каждому, такова диалектика жизни, таковы законы этого мира. Незримая битва, в которой участвуют все люди планеты, идет во внутреннем пространстве человека, она не видна никому, кроме него самого. Наверное, правы те, кто говорит, что наша общественная жизнь, ее социальное пространство — не более чем исторические декорации, на фоне которых разворачивается *настоящая* драма — человеческая. Ведь если подумать, ради чего одна эпоха сменяет другую, один общественный строй следует за другим?.. Исторический процесс — не самоценная и самодостаточная категория, есть последняя и окончательная цель (альфа и омега жизни), ради которой этот процесс разворачивается. Эта цель — *человек*, совершенствование его природы, его нравственной сути. Ради этого творится история, ради этого все и происходит. Мы же, в основной массе, существуем исключительно за счет *рефлекса жизни*, не задумываясь в своем полутравоядном существовании, не задаваясь главным вопросом: *зачем все это?*

¹ Пауль Тиллих (1826—1965), влиятельный немецко-американский богослов, философ, общественный деятель, близок идеям экзистенциализма.

Государство, озабоченное необходимостью консолидировать общество, объявило какое-то время назад конкурс на так называемую «национальную идею», которая, при всей своей политической толерантности и принципиальном несовпадении с советской идеологией, могла бы стать мощной объединяющей общественной силой. Однако поиски такой идеи, как мы знаем, пока ни к чему не привели. Делаются вялые попытки искать национальную идею в патриотическом чувстве, но патриотизм сегодня не имеет под собой достаточной мотивационной базы. Православная церковь, пытаясь стать прообразом идеологического отдела в государстве (как в старые добрые времена при ЦК КПСС), явно переоценивает свои возможности. Великодержавная, монархическая и прочая социально-историческая рефлексия, опрокинутая в прошлое, не может быть сколь-нибудь серьезно воспринята в силу своей патриархальности и малочисленности.

Не вдаваясь в глубинный анализ феномена идеологии, напомним о том, что как явление она возникает, осознанно или инстинктивно, в ситуации, когда правящая элита ставит задачу во что бы то ни стало удержаться у власти. Реакционный смысл такой охранительной идеологии изначально ясен, ей свойственны запреты, ограничения и репрессивный механизм подавления инакомыслия — все то, что мы сегодня называем тоталитаризмом. Очевидно, что время такой государственной идеологии исчерпано. Современный культурно-исторический процесс диктует иную систему взглядов. Консолидировать общество способна лишь *человеческая составляющая*, духовные ценности, культурно-исторический опыт народа. Пребывая в недрах народного самосознания, этот опыт ждет своего часа. Если идеология — порождение цивилизации, т. е. общества, где подавляются и деформируются естественные духовные начала человека, то новая система взглядов, новое мировоззрение явится продуктом культуры, понимаемой как *самоорганизующаяся система духа*².

Вспомним, что небывалые взлеты — духовные, творческие, культурные — в развитии отдельных государств случались в те периоды, когда ценностные ориентации, сло-

жившиеся в обществе, адекватно соотносились с мировоззрением, отвечающим глобальным историко-эволюционным задачам эпохи. Вспомним и о том, что во все времена историю делали великие личности. Обладая высоким личным магнетизмом, или харизмой, как говорят сейчас, они были средоточием общественного авторитета, обладали безукоризненным историческим чутьем и личным благородством, ставили превыше всего общественные приоритеты. Писатель Леонид Жуховицкий в статье «Грозит ли стране хромота» справедливо говорит о том, что «великой стране нужны не только власти регионам и ведомств, но и власти дум. Нужны люди, на которых держится нравственность народа». «Когда в стране нет властителей дум, просто власти распыляются».

В отсутствие ярких «властителей дум» *каждый* из нас обязан взять часть их бремени на свои плечи. *Всем* мыслящим людям под силу стать самостоятельными и независимыми источниками праведности, поддерживать друг друга в противлении хаосу и злу, иначе нам не выстоять, не изменить наше государство, страну, общество. Разумеется, призыв к осознанному нравственному взаимодействию не претендует на прообраз национальной идеи. Однако задача укрепить невидимую, но реальную ткань чувств, связывающих людей, могла бы стать основой единения общества на принципиально новых началах.

Неуловимый контекст этих процессов всегда лучше других чувствовали люди творческих профессий, те, кто задолго до правителей и политиков прозревал будущее, интуитивно ощущал поток эволюции и образными средствами искусства указывал нам на него. Именно благодаря людям высокой внутренней культуры и больших нравственных достоинств, благодаря лучшему, что заложено в каждом из нас, человечество живо не только как биологический вид, но и как вид разумный и, хочется надеяться, отчасти одухотворенный. Сумерки, переходящие в ночь, в коих сейчас пребывает наша культура и страна в целом, неизбежно сменит рассвет. Таковы законы мироздания, и спасибо ИМ за это.

² Понятие, впервые введенное Л.В. Шапошниковой.